

ПЯТЬ КНИГ С АВТОГРАФАМИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Валентине Дынник:
In memoriam

Это - письмо от Марины.
Ахматова

В 1976 году я по случаю приобрел ряд книг на французском языке, в том числе почти все произведения Флобера, включая переписку. Когда, недели две спустя, по какой-то надобности я заглянул в томик с "Госпожой Бовари" и присмотрелся к владельческой записи чернилами на форзаце, я не поверил своим глазам; уже известным мне ранее, характерным, с наклоном влево почерком здесь было написано в две строчки по-французски: *Marina Zwetaieff. Moscou, le 13 Janvier 1910* (Марина Цветаева. Москва, 13 января 1910). При просмотре книги обнаружились пометы на полях, сделанные одним и тем же карандашом; в ряде случаев они сопровождались высказываниями на французском языке, принадлежащими также, судя по почерку, М. И. Цветаевой.

Вскоре слух о моей счастливой находке достиг знатока цветаевского творчества и собирателя относящихся к нему материалов - Л. А. Мнухина. Ему не составило особого труда убедить меня уступить книгу в обмен на необходимое мне для работы издание А. Ахматовой. Мы условились с Л. А. Мнухиным о том, что со временем я подготовлю публикацию цветаевских маргиналий к "Госпоже Бовари". Осуществляя теперь свое намерение, я хочу поблагодарить нынешнего владельца книги за то благожелательное терпение, с которым он ожидал моего обращения к работе, а также за оказанную в ней помощь своими справками и разъяснениями.

Несколько слов о самом издании. Оно - в переплете, на титульном листе значится: *Gustave Flaubert. Madame Bovary: Moeurs de province. Edition définitive. Suivie de Réquisitoire, plaidoirie et jugement. Du procès intenté à l'auteur Devant le tribunal correctionnel de Paris, Audiences des 31 janvier et 7 février 1857. Paris: Bibliothèque-Charpentier, G. Charpentier et E. Fasquelle, éditeurs, 11, rue de Grenelle, 11, 1892. Tous droits réservés (Гюстав Флобер. Госпожа Бовари: Провинциальные нравы. Окончательное издание. С приложением обвинительной, защитительной речей и приговора. На процессе автора в исправительном суде г. Парижа, в заседаниях 31 января и 7 февраля 1857 года. Париж: Библиотека Шарпантье, Издатели Г. Шарпантье и Э. Фаскель, ул. Гренель, 11, 1892. Все права охраняются законом).*

Мы видим, что издание вышло в год рождения М. И. Цветаевой. В отличие от более поздних изданий, оно содержало материалы судебного процесса над "Госпожой Бовари", что было одновременно и известной "рекламой", и данью "общественным приличиям", ибо книга была судом оправдана. Роман попал в руки Цветаевой, когда ей было семнадцать с небольшим лет. Был ли он прочитан сразу, сказать трудно. Пометы относятся к несколько более позднему времени, так как в одной из них упоминаются слова М. А. Волошина, сказанные им Цветаевой 20 декабря 1910 года.

Исследуя маргиналии, я пришел к выводу, что книга была прочитана Цветаевой очень внимательно. Так, на с. 259 в сцене объяснения Леона в любви к Эмме упоминаются ее "голубые глаза" (*ses yeux bleus*) (кстати, в переводе "Г-жи Бовари" Н. М. Любимова допущена ошибка: и голубые глаза, и описание того, как изменилось лицо Эммы от обращенных к ней слов Леона, отнесены к Леону, что совершенно обесмысливает текст). Цветаева подчеркивает слово "голубые" (*bleus*) и пишет на полях: *Voir page 15, ligne 11 d'en bas* (Смотри страницу 15, строка 11 снизу). В указанном месте, относящемся к первой встрече Шарля с Эммой, сказано, что глаза у нее были "карие" (*bruns*). Таким образом, замечено авторское противоречие¹.

Цветаева внимательно прочла не только текст романа, но и приложение, относящееся к процессу над "Госпожой Бовари". Ее пометы здесь, быть может, наиболее интересны, так

как связаны с оценкой романа в целом, отчасти с некоторыми мыслями Цветаевой общего характера. Прокурором в его обвинительной речи было отмечено следующее место в романе после сцены смерти Эммы: "Когда кто-нибудь умирает, настает всеобщее оцепенение - до того трудно бывает осмыслить вторжение небытия, заставить себя поверить в него" (Il y a ~ croire)². Назвав эти слова воплем скептицизма, если не неверия, прокурор заявил: "Я же говорю: если смерть вторжение небытия, если любовь блаженньего мужа к жене возрастает, когда он узнает о ее изменах, если общественное мнение представлено гротескными существами, а религия нелепым священником, то единственная личность права, царит, господствует: это Эмма Бовари. Права Мессалина, а не Ювенал" (Et moi ~ Juvénal). Эти слова прокурора отмечены Цветаевой скобкой на полях с. 409, в самом тексте подчеркнуты слова "единственная личность права, царит, господствует" (une seule ~ domine), а против скобки на полях стоит: C' est la vie (Такова жизнь). Далее прокурор говорит о том, что только с позиций христианской морали, лежащей в основе современной цивилизации, можно было бы дать подлинную оценку личности Эммы, и заключает свою речь словами: "Эта мораль клеймит реалистическую литературу не за то, что она живописует страсти - ненависть, месть, любовь; мир живет лишь этим, и искусство должно их живописать, но не выходя из своих границ, не теряя чувства меры. Искусство без правил перестает быть искусством; оно уподобилось бы женщине, сбросившей с себя все одежды. Предписывая искусству всего лишь одно правило - соблюдение общественного приличия, его не поработают, но оказывают ему честь. Расти можно только следуя правилам. Вот, господа, принципы, которые мы исповедуем, вот учение, которое мы защищаем совершенно сознательно" (Cette morale ~ conscience). Это заключение прокурорской речи (с. 410) сопровождается следующими словами Цветаевой: Ce livre inspire le dégoût de la vie, car il peint la vie comme elle est. Tout y est la vérité (Эта книга внушает отвращение к жизни, ибо она описывает жизнь такой, как она есть. Все в ней является правдой).

Еще одно место в прокурорской речи (с. 391) привлекло внимание М. И. Цветаевой. Обращаясь к присутствующим, прокурор воскликнул: "Господа, любила ли г-жа Бовари своего мужа или стремилась его полюбить?" (Messieurs ~ a l'aimer?). Цветаева подчеркивает слова "стремилась его полюбить" (cherché à l'aimer) и ставит на полях восклицательный знак, говорящий об ироническом отношении к подобному взгляду на любовь. Простым подчеркиванием цифры "32" отмечена Цветаевой сделанная на с. 394 отсылка к странице 32 данного издания, где находится приводимый прокурором отрывок о том, как Шарль, "весь во власти упоительных воспоминаний о минувшей ночи, радуясь, что на душе у него спокойно, что плоть его удовлетворена, все еще переживал свое блаженство, подобно тому как после обеда мы еще некоторое время ощущаем вкус перевариваемых трюфелей" (le coeur ~ digèrent). И, наконец, не исключено, что Цветаевой принадлежит не очень четкая отметка на с. 400 против цитируемого прокурором места, относящегося к представлению "Лючии ди Ламмермур", на котором присутствуют Эмма и Шарль Бовари: "О, если б в ту пору, когда ее красота еще не утратила своей первоначальной свежести, когда к ней еще не пристала грязь супружеской жизни, когда она еще не разочаровалась в любви запретной (некоторые сказали бы: не разочаровалась в супружеской жизни и не пристала грязь любви запретной), кто-нибудь отдал ей свое большое, верное сердце..." (Ah si ~ solide).

Надо сказать, что речь защитника Флобера не вызвала повышенной реакции юной Цветаевой. Здесь отмечено всего одно место на с. 429. Опровергая доводы прокурора о том, что Флобер выходит за границы правдоподобия и приличия, приписывая девочке Эмме, воспитывающейся в монастыре, эротические мечтания, связанные с религиозным культом, защитник утверждал, что подобная мечтательность является распространенным заблуждением религиозного чувства, в том числе и детского, стремящегося установить личные отношения с Богом. Стремление же установить эти отношения как таковое защитник считает законным и существеннейшим для христианства: "Я хочу, чтобы у моих

детей было представление о Боге не как об отвлеченном Боге пантеизма, но как о верховном существе, с которым они находятся в личных отношениях..." (Je veux ~ en rapport...). Цветаевой подчеркнуты, видимо, в знак одобрения, слова "с которым они находятся в личных отношениях" (avec lequel ils sont en rapport).

Обращаясь к маргиналиям, относящимся к тексту романа, надо в первую очередь указать на внимание Цветаевой к местам, связанным с основными идеями Флобера. Так, на с. 118 отмечены строки, в которых говорится о том, что любовь питается воображением и в большой мере не зависит от своего объекта: "Эмма была влюблена в Леона, и она искала уединения, чтобы, рисуя себе его образ, насладиться им без помех. С его появлением кончалось блаженство созерцания. Заслышав его шаги, Эмма вздрагивала, при встрече с ним ее волнение утихало, и оставалось лишь состояние полнейшей ошеломленности, которую постепенно вытесняла грусть" (Elle était amoureuse ~ en tristesse). Против отмены этого места на полях запись: Paroles de M. A. W. le 20 déc. 1910 (Слова М. А. В[олошина] 20 дек. 1910). Таким образом, у Марселя Пруста, выстроившего, вслед за Стендалем и Флобером, в своих "Поисках утраченного времени" стройную концепцию независимости любви от ее объекта, находится еще один предшественник - Максимилиан Александрович Волошин.

Цветаева не прошла мимо еще одной "Прустовской до Пруста" идеи романа - мысли о том, что жизнь в конечном счете обманывает все наши ожидания, никогда не дает ощущения полноты существования и является, таким образом, утраченным временем. В романе есть сцена, относящаяся к кризису отношений между Эммой и Леоном. Уйдя со свидания с Леоном раньше, чем обыкновенно, Эмма шагает по бульвару, видит монастырь, в котором воспитывалась, садится на скамейку и предается размышлениям: "'Нет, я его люблю!' - говорила она себе. Ну что ж, все равно! Счастья у нее нет и никогда не было прежде. Откуда же у нее это ощущение неполноты жизни, отчего мгновенно истлевало то, на что она пыталась опереться?.." Цветаева подчеркивает в тексте на с. 136 слова "мгновенно истлевало то, на что она пыталась опереться" (cette pourriture ~ s'appuyait) и пишет рядом на полях: Paroles de L. A. et les miennes (Слова Л. А. и мои). Инициалы Л. А. обозначают, видимо, Лидию Александровну Тамбурер, зубного врача, большого друга семьи Цветаевых.

Остальные маргиналии относятся к разнородным по значимости и менее существенным по значению местам романа. Классифицировать их каким-либо образом трудно, и мне остается только привести их в порядке следования страниц. Описывая состояние Эммы после отъезда Леона в Париж для завершения юридического образования, Флобер говорит, что память о Леоне стала как бы средоточием ее тоски. В сообщающей об этом фразе на с. 136 Цветаева отмечает на полях слова "ее неутоленные чаяния, домашние дрязги - все это она подбирала, все это она ловила, все это годилось, чтобы разжечь ее кручину" (ses espérances ~ sa tristesse). На с. 174 в сцене отъезда Эммы и Родольфа на верховую прогулку говорится о маленькой Берте, дочери Эммы: "Девочка послала матери воздушный поцелуй - та сделала ответный знак рукояткой хлыстика" (L'enfant ~ sa cravache). Эти слова отмечены на полях и сопровождаются следующим ироническим замечанием: Quel adieu tendre! (Какое нежное прощание!).

Интересную помету, имеющую непосредственное отношение к размышлениям Цветаевой о поэзии, встречаем мы на с. 212. Речь идет здесь о сомнениях Родольфа в искренности чувства Эммы, вызванных высокопарностью ее речи. "Как будто полнота души не изливается подчас в пустопорожних метафорах! Ведь никто же до сих пор не сумел найти точные слова для выражения своих чаяний, замыслов, горестей, ибо человеческая речь подобна треснутому котлу, и когда нам хочется растрогать своей музыкой звезды, у нас получается собачий вальс". Цветаева отмечает на полях слова "человеческая речь подобна треснутому котлу, и когда нам хочется растрогать своей музыкой звезды, у нас получается собачий вальс" (la parole humaine ~ les étoiles). Над словами "un chaudron fêlé" надписан карандашом перевод: "лопнувший котел".

На с. 215 говорится о том, как похорошела г-жа Бовари в апогее своего романа с Родольфом, когда предполагалось их бегство: "Она была красива тою не поддающейся определению красотой, которую питают радость, воодушевление, успех и которая, в сущности, есть не что иное, как гармония между темпераментом и обстоятельствами жизни". Цветаевой отмечены на полях слова "которая, в сущности, есть не что иное, как гармония между темпераментом и обстоятельствами жизни" (*qui n'est que ~ les circonstances*).

Следующая помета (с. 218) связана с проектами бегства. Против слов "во всех этих планах отсутствовала Берта" (*et, dans tout cela ~ de son enfant*) Цветаева пишет на полях: *Elle n'est pas femme jusqu'au bout* (Она не является женщиной до конца).

Сцена свидания Родольфа и Эммы накануне предполагаемого бегства заканчивается их прощанием и внезапно принятым Родольфом по дороге домой решением расстаться с Эммой. "Какой же я дурак! - сказал он и скверно выругался. - Ну, ничего, любовница она была очаровательная!" В приведенном месте на с. 221 Цветаева подчеркивает в тексте слово "была" (*s'était*) как меткую деталь, говорящую о бесповоротном решении Родольфа сделать отношения с Эммой достоянием прошлого. Несколько ниже, на с. 222, Цветаева отмечает на полях строки, говорящие о том же самом. Родольф приходит домой и начинает вымучивать из себя прощальное письмо к Эмме, но слова не идут ему в голову, ибо Эмма стала для него как бы далеким прошлым; Цветаева обращает внимание на авторский комментарий: "...принятое им решение мгновенно образовало между ними громадное расстояние" (*la résolution ~ intervalle*).

В сцене обморока Эммы после отъезда Родольфа в Руан Флобер в очередной раз дает волю своему сарказму в адрес мещанского прогрессиста аптекаря Омэ. Его медицинские советы такое же пустозвонство, как и все, что он говорит: "Нет, нет, долой бесполезные медикаменты! Режим - это все! Побольше болеутоляющих, смягчительных, успокоительных! А вы не находите, что, может быть, следует поразить ее воображение? - Чем? Как? - спросил Бовари.

- Вот в этом-то и весь вопрос! Вопрос действительно сложный! *That is the question*, как было написано в последнем номере газеты".

Против слов шекспировского Гамлета "*That is the question*" (Вот в чем вопрос) Цветаева пишет на полях с. 231: *Pauvre Shakespeare!* (Бедный Шекспир!). Рассказывая о постепенном выздоровлении Эммы и охватившей ее чрезмерной набожности, Флобер сообщает о том, как по просьбе священника книгопродавец присылает ей книги духовно-нравственного содержания, но они разочаровывают ее: "К церковной догматике она сразу почувствовала отвращение; в сочинениях полемических ожесточенные нападки на лиц, о которых она не имела понятия, прискучили ей..." Против слов "ожесточенные нападки на лиц, о которых она не имела понятия" (*acharnement ~ ne connaissait pas*) Цветаева помечает на поле с. 237: *Bien remarqué* (Хорошо замечено).

На с. 311 мы находим помету, опять свидетельствующую о внимательном чтении романа. Аптекарь Омэ, приехавший развлечься в Руан, бесконечно докучает своим обществом Леону, мешая его свиданию с Эммой, а когда тот отговаривается занятостью в конторе, призывает его бросить на время свои занятия и отправиться с ним к некоему Бриду: "Пойдемте к Бриду! Он вам покажет собаку. Это очень любопытно!" (*Allons ~ curieux!*). Против этих слов Цветаева делает на полях отсылку: *Voir page 231* (Смотри страницу 231). В указанном месте, относящемся к сцене обморока Эммы, Омэ действительно впервые упоминает Бриду: "...у моего старого товарища Бриду (он сейчас живет в Руане на улице Мальпалу) есть собака,- так вот, поднесите вы ей к носу табакерку, и она сейчас же забьется в судорогах".

Омэ удается затащить Леона к Бриду, в то время как Эмма ждет его в гостинице, а затем, не дождавшись, в ярости уезжает в Ионвиль. То, что Леон не пришел на свидание, воспринимается ею как личное оскорбление, и она мысленно чернит его, затем, успокоившись, находит, что была к нему несправедлива. Флобер замечает по этому

поводу: "Но когда мы черним любимого человека, это до известной степени отдаляет нас от него". Следующая за этой фраза (с. 312) отмечена Цветаевой на полях: "До идолов дотрагиваться нельзя - позолота пристаёт к пальцам" (Il ne faut pas ~ aux mains).

Запутавшись в долгах, за два дня до описи имущества Эмма веселится на маскараде в Руане, но затем ей становится плохо, она покидает Леона и его товарищей и остается одна в гостинице "Булонь". Цветаева отмечает на полях (с. 323) слова, характеризующие состояние Эммы: "Ей хотелось вспорхнуть, как птице, улететь куда-нибудь далеко-далеко, в незагрязненные пространства, и обновиться душой и телом" (Elle aurait voulu ~ immaculés).

Две пометы относятся к эпизодам после смерти Эммы. В ночь после похорон Эммы, сообщает Флобер, еще один человек не спал, кроме ее мужа Шарля. Это был подросток Жюстен, служивший у Омэ, который благоговел перед Эммой и поэтому не мог помешать ей похитить в аптеке мышьяк: "У свежей могилы, осененной ветвями елей, стоял на коленях подросток; он исходил слезами, в груди его теснилась бесконечная жалость, нежная, как лунный свет, и бездонно глубокая, как ночной мрак. Внезапно скрипнула калитка. Это был Лестибудуа. Он позабыл лопату и пришел за ней. Подросток взобрался на ограду, но Лестибудуа успел разглядеть, что это Жюстен, - теперь он, по крайней мере, знал, какой разбойник лазает к нему за картошкой" (Sur la fosse ~ ses pommes de terre). Весь приведенный абзац, относящийся к Жюстену на с. 376-377, отмечен Цветаевой на полях.

Наконец, последняя помета относится к случайной встрече Шарля Бовари с любовником Эммы Родольфом после ее смерти. Шарль говорит Родольфу, что не сердится на него больше, и, прибегнув к высокому слогу, заявляет: "Это игра судьбы!" (C'est la faute de la fatalité). Его слова сопровождаются авторской ремаркой: "Родольф сам руководил этой игрой..." (Rodolphe, qui avait conduit cette fatalité). Цветаева делает на полях характерное замечание: que la fatalité avait conduit, peut-être (сам был руководим этой игрой, быть может).

Как можно заметить, несмотря на известную разнородность помет и замечаний, они говорят о том, что в лице юной Цветаевой мы имеем дело с внимательным читателем и тонким ценителем знаменитого французского романа. Можно не сомневаться в том, что, если бы случай предоставил ей возможность или повод для более или менее развернутой оценки "Госпожи Бовари", в антологии критических высказываний о шедевре Флобера появилась бы еще одна блестящая страница.

Марина Ивановна напомнила мне о себе еще раз. Работая весной 1982 года в Публичной библиотеке в Ленинграде, я обнаружил в ее фондах 4 или, вернее, 5 инскриптов Цветаевой (один из них двойной).

Первый и, может быть, наиболее интересный хранится в отделе рукописей и редких книг (фонд 150, № 456, л. 1) и представляет собой надпись на чистом листке, вырванном из книги. На нем написано:

Après avoir aimé il faut aimer encore,
Il faut aimer sans cesse - apres avoir aimé!
A. de Musset²

Милой Loulou на добрую память
МЦ.
(30° мороза, исторические здания, камни и чай на полу)
Петербург, 17^о января 1916 г.

Адресат надписи был установлен мной без каких бы то ни было затруднений. По рассказам О. Н. Гильдебрандт-Арбениной я знал, что "Лулу" звали Елизавету Иоакимовну (Акимовну) Каннегисер, дочь известного инженера-кораблестроителя Иоакима

(Акима) Самойловича Каннегисера. Он был хозяином дома (Саперный пер., 10), описанного в очерке Цветаевой "Нездешний вечер", где ему дано прозвище "лорда". Слова "30° мороза, исторические здания, камни и чай на полу" прямо связаны с обстоятельствами, отраженными в очерке, и мне нет необходимости их комментировать. Следует обратить внимание на слово "Петербург" в дате инскрипта. Надо ли говорить, что Цветаева, написавшая в 1914 г. стихотворение "Германия" (Ты миру отдана на травлю...), не "признавала" "позорного" (Зин. Гиппиус) переименования столицы России. Эпиграф надписи - видоизмененные заключительные строки стихотворения А. де Мюссе "Августовская ночь" (La nuit d'août, 1836); в оригинале первая строка звучит так: *Après avoir souffert, il faut souffrir encore* (После того, как страдал, надо еще страдать). Скорее всего мы имеем дело с сознательным изменением слов Мюссе Цветаевой, а не с абберацией памяти.

Остальные инскрипты находятся на книгах, хранящихся в основном книжном фонде Публичной библиотеки. На авантитуле первой книги стихов Цветаевой "Вечерний альбом" (М., 1910) мы читаем:

Милой Анастасии Васильевне Модестовой
во имя общей ненависти к Москве.
Марина Цветаева
Москва, 23го января 1911 г.

Анастасия Васильевна Модестова - дочь Василия Ивановича Модестова (1839-1907), филолога-классика, публициста, профессора Киевского и Новороссийского (в Одессе) университетов, Петербургской духовной академии - друга отца М. И. Цветаевой. Сестры Цветаевы дружили с Асей Модестовой в 1908- 1912 годах. Видимо, надпись связана с традиционной распрей двух дореволюционных российских столиц, в которой Цветаева берет сторону петербуржанки Модестовой.

Вслед за этой идет вторая надпись, не принадлежащая Цветаевой
Лиля Але (к бывшей годовщине).
22/III-39

Надпись сделана, очевидно, Елизаветой Яковлевной Эфрон, золовкой М. И. Цветаевой, и обращена к племяннице, дочери М. И. Цветаевой—А. С. Эфрон, в связи с годовщиной ее возвращения в СССР.

На титульном листе второй книги стихов Цветаевой "Волшебный фонарь" (М., 1912) находится дарственная надпись М. А. Волошину:

Милому Максусу с благодарностью за Коктебель.
Марина
Москва, 11го февраля 14.

Думаю, что в особых комментариях эта надпись не нуждается. Дружба Цветаевой с Волошиным достаточно отражена в ее очерке "Живое о живом".

И, наконец, на другом экземпляре "Волшебного фонаря" мы находим две поврежденные дарственные надписи. Одна из них сделана на титульном листе красными чернилами, полустерта и частично срезана по правому краю. Прочтение ее довольно предположительное:

Милому Жихареву [?]-русс[ком]у за[мечательному]
человеку - с любовью и благодарно[стью]
желаю[?] жизнь.
Марина Цветаева
Москва, 17го мая 1919 г., ст. стиля.

Вторая надпись сделана карандашом и расположена на обороте титульного листа и следующей странице, которая частично срезана по правому краю, что привело к утрате части надписи. Восстанавливается предположительно:

Сонечке Голлидэй - Марина Цветаева.
Сонечка! Ничто не случи[тся]. Будет Вам большая с[цена]
Театра, как уже есть [большая] сцена Жизни!
МЦ

Москва, 2²⁰ июня 1919
воскресенье - holiday³ - отъезд.

Адресат первой надписи мне неизвестен, второй - известен всем, читавшим цветаевскую "Повесть о Сонечке", и это снова избавляет меня от необходимости комментирования.

"Книги имеют свою судьбу" - это латинское изречение нельзя не вспомнить по поводу пяти книг с автографами Марины Цветаевой. У каждой из них своя история, во многом для нас не ясная. Если "Госпожа Бовари" до коллекции Л. А. Мнухина побывала в библиотеке литературоведа и переводчика Б. А. Грифцова (оставившего на ней свою владельческую надпись карандашом), то какими путями пришли в Публичную библиотеку вырванный из книги листок с надписью Loulou Каннегисер, книга из библиотеки Волошина и две других книги - это пока загадки.

1985 г.
Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитаты из романа даются в переводе Н. М. Любимова.

² После того, как любил, надо еще любить, / Надо беспрестанно любить - после того, как любил! / А. де Мюссэ.

³ Праздник (*англ.*).